

— Каковы взаимоотношения Дурова-режиссера и Дурова-актера? Не притесняет ли первый второго?

— В чем-то они действительно antagonичны. Профессия режиссера, помимо множества знаний, предполагает некоторый деспотизм. Для меня это осложняется еще и тем, что я как актер знаю все актерские «болячки». Но если бы хирург все время боялся, что своими действиями причинит боль, то не смог бы оперировать. Если постоянно бояться наступить на актерское самолюбие, никогда не поставишь спектакль. И все же я стараюсь не переступать грани...

— Как вы полагаете, кто главная фигура в театре: актер или режиссер?

— Режиссер, конечно. Если есть мощный творческий лидер, актеры становятся соучастниками большого дела. Единомышленниками. Актеры сами не могут создать спектакль. Так, вероятно, было и во времена Шекспира, и в античные времена.

— Лев Константинович, чем можно объяснить эпидемию «режиссерской болезни» у актеров в последнее десятилетие? Недовольством своими режиссерами? Потребностью в самовыражении?

— По-моему, в этом нет нового. И Станиславский, и Мейерхольд, и Вахтангов прежде чем стать режиссерами, были актерами. Я в течение многих лет был помощником у моего учителя — Анатолия Васильевича Эфроса. Нельзя всю жизнь быть подмастерьем... Мной уже выпущено шесть спектаклей. Сейчас я сдавал седьмой — «Золушку». «Мы ставим не сказку, а Шекспира», — говорил я участникам спектакля. И это не было пижонством. Спектакль получился, по-моему, серьезным, грустным, поэтичным.

— Скажите, пожалуйста, почему актеры охотно «бегут» из театра в кино, на телевидение? Что это — потребность в мил-

лионной аудитории или в популярности?

— Почему бегут? Раз в тебе есть потребность играть, потребность жить этой личностью. Главное — не халтурить. Некоторые обвиняют Джигарханяна в том, что он часто снимается в кино. Но, если говорить язы-

Но в кино больше личной ответственности. Там нет длительного репетиционного периода. Режиссер рассчитывает на тебя. И эти ожидания надо оправдать.

— С чего начинается ваша работа над ролью?

— Со своеобразного интер-

— Как получается, что ваши эпизодические роли запоминаются, а порой даже соперничают с главными?

— Если ты берешься за роль, то надо думать, что эта роль — главная. Надо помнить, что каждый человек — личность. Что он уникален. Масштаб лич-

тем лучше выходит роль. Не лучше, не безлика...

— Когда вы впервые почувствовали, что состоялись как актер?

— Не знаю, что это такое. Что вообще означает состояться? Завершился? Тогда надо заказывать юбилейную панхиду. Я никогда ни в чем не уверен. Я «квалитательщик», рабочий человек. Я никогда не отлыниваю. Мой труд — тяжелая работа. После спектакля я мокрый. «Сухих» артистов не люблю!..

— Кого вы мечтаете сыграть: Мефистофеля! Гамлета!

— Эти роли мне никто не предлагал. А сам себе не отважусь предложить. Трезво отношусь к себе.

— Как складываются у вас отношения с партнерами!

— Очень редко не складываются. Партнеры на время съемки, по крайней мере, должны стать любимыми.

— Вам доводилось общаться с Шукшиным. Расскажите, пожалуйста, об этом.

— Я не могу похвастаться дружбой с этим удивительным человеком. Помню, он смотрел наш спектакль «Брат Алеша». Не хлопал. Смотрел из-под бровей куда-то «в никуда». Я решил, что спектакль ему не понравился, и поэтому не торопился разгримировываться. Но, оказалось, он ждал меня. Мы долго ходили по московским улицам и говорили. После этого спектакля он позвал меня в «Калину красную». Считал меня актером «своей обоймы», говорил: В «Степане Разине» встретимся...

— В одном из интервью вы как-то сказали, что были отчаянным заблудкой в тринадцать-четырнадцать лет. Что захватили вы с собой из детства во взрослую актерскую жизнь!

— Каждый человек должен как можно дольше сохранять свежесте детского восприятия. Искренность. Неуспокоенность. Чувство, что каждый раз надо начинать заново!

Беседу вел Д. НЕМИРОВСКИЙ.

ВИЗИТНЫЕ КАРТОЧКИ НАШИХ ГОСТЕЙ

КАЖДЫЙ РАЗ НАЧИНАТЬ ЗАНОВО

Актер Лев Дуров не обделен вниманием режиссеров: он очень много играет. Каждая его новая роль — открытие. Открытие личности, исследование характера, позиции, мотивов поступков. Его герои, даже если им отведено мало экранного времени, запоминаются. Они необыкновенно зрелищны. И все-таки самое важное, вероятно, не в этом. А в том, что они рождают вопросы у зрителя, что зритель пытается разобраться в эволюции героев Дурова. Почему дерзкий и в то же время жалкий, ущербный Рафинад («Вся королевская рать») стал тенью Вилли Старка? Отчего талантливый лицедей Клаус («Семнадцать мгновений весны») превращается в изощренного садиста-провокаатора? Как в наше время в стране, где нет ни господ, ни слуг, официант

становится лакеем, устроителем «бордельеров»? Три очень разные роли. И хронологически, и географически, и по социальной опасности явления, и по художественному воплощению. Но всех их объединяет самое страшное, что может быть у человека, — саморастаптывание, саморазрушение личности. Отказ от себя. Превращение в раба.

Для миллионов зрителей Дуров прежде всего актер кино и телевидения. Там он сыграл более ста ролей. Но в театре на Малой Бронной, где он работает с 1966 года актером (а в последние годы и режиссером), им сделано не меньше.

С народным артистом РСФСР Львом Дуровым, отдыхающим в Ялте, беседует наш корреспондент.

ком спорта, Джигарханян — мастер международного класса. В любую роль он вносит свое содержание. А Алексей Петренко? Его капитан-инвалид в «20 дней без войны» — это творческое открытие.

— Не рвут ли вас на части кино и театр? Не поладаете ли вы в цейтнот!

— Нет. Я умудряюсь все успевать. Товарищи по театру и не заметили, что в этом году, участвуя в театральном спектакле, я одновременно снимался в трех фильмах. Театр и кино по-разному ведут к единой цели: делают из меня артиста.

ью: я задаю вопросы себе. Как мыслит и чувствует себя мой герой, как рождается его характер. С осмысления главного в личности. Отсюда рождается и внешний облик персонажа. В «Женитьба» мой Жевакин постоянно держит руки за спиной: он боится, что протянутую им руку не возьмут для пожатия. Яго в «Отелло» находится в постоянной «готовности № 1», так как считает, что ему могут причинить зло окружающие. Поэтому он спортивен, ходит пружинистой походкой, все время точно в напряженной стойке боксера...

ности актера определяет масштаб роли.

— Были ли у вас «тупиковые» роли!

— Не было. Другое дело, что перед выпуском спектакля у меня все начинает рушиться. Я начинаю думать, что я бездарен и что, наконец-то, судьба со мной обходится справедливо. Многие из моих товарищей недоумевают, считают, что я «наговариваю» на себя. Эфрос, зная меня, терпеливо переживает. Чем больше у меня неудовлетворенности, страха, что роль не получилась,